

Нет необходимости указывать здесь на некоторые частные недостатки книги, кроме, пожалуй, того, что принятая автором система цитирования непоследовательна: некоторые сочинения, на которые есть ссылки в тексте (работы А. Элькина, стр. 58—61, 63, 64 и др., К. Рида — стр. 61, 62 и др.) отсутствуют в списке использованной литературы.

Исследование В. Ф. Генинга — одна из первых в нашей научной литературе попыток осмысления общих закономерностей этнических процессов в первобытную эпоху. Оно, несомненно, представит интерес для всех интересующихся проблемами этнической истории народов мира и послужит толчком к дальнейшему теоретическому обобщению того большого материала, который накоплен в этой области человеческого знания.

М. В. Крюков

НАРОДЫ СССР

С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувицев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972, 314 стр., илл.

Изучение исторической этнографии — важнейшего раздела этнографической науки, развивается, к сожалению, пока еще медленно. Как в нашей стране, так и за рубежом выходит мало работ, посвященных разработке проблем исторического генезиса тех или иных этнографических явлений. Выход книги С. И. Вайнштейна, посвященной исторической этнографии тувинского народа является значительным событием в науке.

Рассматриваемый труд вносит весьма существенный вклад в разработку теории хозяйственно-культурных типов кочевников. Исследование генезиса и особенностей тувинского кочевого хозяйства проводится автором с привлечением обширных сравнительных материалов по кочевникам других областей Сибири, и также Центральной, Средней и Передней Азии.

В качестве основных источников автор привлек материалы полевых исследований в Туве, которые он вел около двадцати лет, археологические и этнографические коллекции многих музеев, архивные документы, в том числе впервые введенные им в научный оборот (как, например, считавшиеся утерянными дневники экспедиции Феликса Кона в Туву), данные переписей.

Во введении к рецензируемой книге дана характеристика хозяйственно-культурных типов у тувинцев и ряда других кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии в XIX — начале XX в.; выделены местные подтипы. Необходимо отметить, что автор вполне обоснованно отвергает вывод Л. П. Потапова о том, что все тувинцы, кроме оленеводов, должны быть отнесены к скотоводам-охотникам, а их тип хозяйства рассматриваться как присущий «лесным племенам или народам».

Первая глава книги посвящена скотоводству и формам кочевания. Характеризуя историческое развитие скотоводства в Туве, автор рассматривает проблему формирования хозяйственно-культурного типа скотоводов, протекавшего на огромных пространствах Евразии, и приходит к справедливому выводу, что оно завершилось в середине I тысячелетия н. э. (древнетюркское время).

Очень интересно написан раздел о терминологии, связанной с названиями и исчислением возраста домашних животных. Здесь С. И. Вайнштейн в результате блестяще проведенного анализа сделал весьма любопытное открытие о том, что возрастные названия домашних животных восходят не к числительным, обозначающим количество прожитых лет, как полагали другие исследователи (У. Кохальти и др.), а к числу зубов (резцов), что сближает тюркскую систему с монгольской. Это, казалось бы частный, вывод имеет существенное значение для разработки проблем этнокультурного взаимодействия тюрко-монгольских народов.

В данной главе рассмотрены также результаты исследования автором форм кочевья и их исторического развития. С. И. Вайнштейн вскрыл зависимость форм кочевания от природных и социально-экономических условий. На основании этнографических материалов, рисующих кочевое скотоводство тюрко-монгольских народов, живших в степях и предгорьях и использовавших горные пастбища, автор показал, что для них был характерен не один, как полагали ранее, а три различающихся типа кочевания. Здесь же рассмотрены формы хозяйственных объединений (курень, аал и др.) на разных этапах исторического развития кочевничества. Время возникновения аальной и куренной форм организации имеет первостепенное значение для выяснения социально-экономической структуры кочевничества. Именно необходимость защиты от военных нападений была той основной причиной, которая заставляла небольшие, практически беззащитные аалы объединяться, создавая кочевые группы типа куреней, включавшие сотни и тысячи хозяйств.

В конце главы автор останавливается на социально-экономических отношениях. Анализируя саунные отношения, существовавшие в тувинском скотоводстве в конце XIX и начала XX в., С. И. Вайнштейн приходит к выводу, что они были весьма много-

образными: наряду с отношениями, основанными на эксплуатации, имела место сдача скота на выпас и доение, вызванная соображениями более рациональной организации труда двух близких по имущественному положению хозяйств, а в некоторых случаях являющаяся выражением родственной взаимопомощи; кроме того, различалось и социальное содержание форм эксплуатации, основанных на сдаче богатыми хозяйствами скота на выпас и доение беднякам. Преобладающей формой таких отношений была эксплуатация сородичей, которую автор называет «патриархальной», и которая была основана на раздаче скота эксплуататором экономически заинтересованным в этом бедняцким хозяйствам, преимущественно родственными. Значительно меньшее распространение имела своеобразная кабальная зависимость; существовали также отношения феодального типа, в основе которых лежало внеэкономическое принуждение, а также наем — первое проявление в тувинском скотоводстве капиталистических отношений. С. И. Вайнштейн справедливо критикует авторов, рассматривающих все формы эксплуатации у кочевников, основанные на имущественном неравенстве скотоводов, как признак производственных отношений развитого классового общества, в лучшем случае имеющего только патриархально-родовую оболочку (В. И. Дулов и др.). С. И. Вайнштейн прав, определяя преобладающую форму эксплуатации, основанную на сдаче скота на выпас и доение, как патриархальную. Впрочем, жаль, что автор оставил в стороне исследование других сторон социальной организации кочевого общества.

Большое место в книге отведено саянскому кочевому оленеводству и проблеме происхождения оленеводства в Евразии (вторая глава). Как известно, проблема происхождения оленеводства являлась одной из неразрешенных еще проблем культурной истории человечества. Некоторые исследователи выдвигали предположение о едином саянском центре происхождения оленеводства (Н. И. Вавилов и др.), но этому противоречили, казалось бы, кардинальные различия оленеводства у отдельных народов Евразии (различия в способе посадки, упряжи и др.). В результате появилась теория о двух центрах возникновения оленеводства — саянского и тунгусского (Г. М. Василевич, М. Г. Левин и др.), получившая довольно широкое распространение. Однако автору рецензируемой книги удалось благодаря оригинальному применению сравнительно-типологического метода к исследованию оленеводческой упряжи установить генетическое единство саянского и тунгусского способов оленеводства и убедительно обосновать моноцентрическую гипотезу его происхождения, а также заключить, что тунгусское оленеводство распространилось на восток из Прибайкалья. Последний вывод имеет существенное значение для разработки проблем этногенеза тунгусов. Во второй главе обосновано также весьма важное заключение о возникновении оленеводства не в палеолите или неолите, как еще недавно считалось (В. Шмидт, Н. Я. Марр и др.), а на рубеже н. э. Сложение саянского типа оленеводства автор убедительно относит к началу II тысячелетия.

В третьей главе, посвященной способам и средствам передвижения кочевых скотоводов, особенно ценным представляется раздел о происхождении и развитии важнейшего элемента конской упряжи — жесткого седла и стремян. Здесь автор выдвигает и обосновывает новую точку зрения о появлении жесткого седла и стремян не в скифское или гунно-сарматское время (как до недавнего времени полагали многие исследователи), а в середине I тысячелетия н. э. Здесь удачно проведена сравнительно-типологическая классификация и датировка седел, найденных в различных районах Евразии, в том числе уникальных древнетюркских седел из раскопок автора в могильнике Кокзель в Туве. Изучив обширные археологические материалы и письменные источники, автор сделал интереснейшее открытие, установив, что первоначально стремя применялось только с одной, левой стороны коня и служило подножкой для подъема всадника в седло и лишь позднее, на рубеже V—VI вв. оно обрело современные функции, т. е. стало не только приспособлением, облегчающим посадку на коня, но и опорой всаднику во время движения. Автор не без основания связывает широкое распространение жесткого седла и стремян с развитием древнетюркской культуры. Изобретение жесткого седла и стремян было крупным событием в истории материальной культуры. Это, в частности, дало возможность всаднику преодолевать в короткий срок значительно большие расстояния, чем прежде, и намного усилило основу боевой мощи кочевников — конницу. Последнее обстоятельство, несомненно, способствовало активизации кочевников на степных просторах Евразии со второй половины I тысячелетия н. э. Интересные мысли мы находим в этой главе и по истории других способов и средств передвижения у кочевников; в частности здесь рассмотрены причины исчезновения у кочевников Центральной Азии повозок, столь характерных для монголов в XI—XIII вв.

В четвертой главе (земледелие у тувинцев в XIX — начале XX вв. и традиции земледелия у кочевников) вводный раздел посвящен истории земледелия в Туве. Описывая земледелие у тувинцев, автор значительно дополнил и уточнил имевшиеся в литературе сведения в особенности касающиеся техники земледелия, характера ирригационной системы и земледельческих орудий.

В главе рассмотрены также проблемы древности земледельческих традиций у кочевых скотоводов. Автор убедительно показывает ошибочность точки зрения исследователей (В. И. Дулов и др.), полагавших, что земледелие возникло у тувинцев лишь в XIX в. Основываясь на существующей в тувинском языке развитой системе земледельческих терминов, а также исходя из сравнительного анализа особенностей земледельческих орудий, характера ирригационной системы и др., автор приходит к выводу

о существовании у кочевых тувинцев многовековой традиции земледелия, как и у кочевых монголов и бурят, калмыков и ряда других скотоводческих народов.

Археологические и этнографические материалы, приведенные в книге, свидетельствуют о том, что у многих народов в условиях господства кочевого скотоводческого хозяйства земледелие могло бытовать в своеобразных «кочевых» формах. Сама возможность ведения такого комплексного хозяйства, как справедливо отмечает автор, доказана существованием его у многих кочевых скотоводческих народов Средней и Центральной Азии, Южной Сибири и Восточной Европы в XIX — начале XX в.

Вопрос о земледельческих традициях автор связывает с проблемой происхождения кочевников, развивая концепцию двух путей этого процесса: переход к кочеванию ранее оседлых земледельческо-скотоводческих хозяйств и освоение скотоводства (заимствованного у соседнего оседлого населения) бродячими степными охотниками. С. И. Вайнштейн подчеркивает, что степень развития земледелия у кочевников и полукочевников зависела от обеспеченности скотом, возможности регулярно получать продукты земледелия от оседлых соседей, освоенности территорий, цикличности кочевков, возможности длительных стоянок.

Пятая глава посвящена присваивающим формам хозяйства. Ее открывает раздел об историческом развитии этих форм хозяйства у племен Верхнего Енисея, начиная с эпохи ранних кочевников. Далее идет подробная характеристика охоты, рыболовства, собирательства у кочевых тувинцев в XIX — начале XX в. Автор много лет жил среди тувинцев, наблюдая их быт, и это позволило ему наблюдать многие черты их охотничьего и рыболовного промысла, ускользавшие от других исследователей. Таковы восходящие к традициям родового быта архаичные приемы коллективной рыбной ловли, имеющие ряд аналогий с облавной загонной охотой, организации охотничьих артелей у тувинцев и характер распределения в них добычи. Описание таких артелей у тувинцев-скотоводов впервые дано в работе С. И. Вайнштейна.

В шестой главе детально рассматриваются домашнее производство и ремесло у кочевых тувинцев, а также роль и специфика ремесла у кочевников. Автор считает, что уже у ранних кочевников наряду с домашним производством — семейным и общинным — существовало также ремесло, имелся не только межплеменной, но и межродовой и внутриобщинный обмен. К концу I тысячелетия н. э., по мнению автора, у кочевых скотоводческих племен Тувы завершилось сложение обусловленных кочевым скотоводческим хозяйством и местной природной средой основных черт технологии и организации домашнего производства и ремесла.

Автор дает характеристику домашнего производства и ремесла тувинцев (кузнечное и литейное дело, обработка дерева, бересты, кожи, изготовление изделий из шерсти, войлока и сухожилий и пр.), почти не освещенные ранее в литературе. Автор сопоставляет все это с аналогичными чертами хозяйства у широкого круга кочевых народов Евразии. В домашнем производстве кочевых скотоводов автор выделяет общинные и семейные формы, но указывает эволюцию естественного разделения труда, в частности — расширение сферы приложения мужского труда в последние столетия, выясняя причину этого.

Большой раздел главы посвящен исключительно важной проблеме — роли и специфике ремесла в хозяйстве степных и тажных кочевников Азии. Как известно, в литературе имеются весьма существенные расхождения в оценке роли ремесла у кочевников, хотя специальных исследований по этой теме вообще нет. Если некоторые авторы склонны считать одним из признаков кочевого хозяйства отсутствие ремесла вообще, то другие, занимающие противоположную позицию, считают, что развитие ремесленного производства у кочевников принципиально не отличалось от такового у оседлых народов. Привлекая этнографические материалы, данные переписей и другие источники, характеризующие ремесленное производство у кочевников, С. И. Вайнштейн доказывает, что кочевое хозяйство не исключало ремесла. В условиях кочевого быта ремесло было неотделимо от скотоводства, и поэтому оно может быть сопоставлено у скотоводов-кочевников с ранним этапом развития ремесленного производства у оседлых народов. Автор вполне обоснованно выступает против выдвигавшейся некоторыми археологами концепции, что будто бы уже в средние века у кочевников, в частности у монголов, шло выделение ремесла из сельского хозяйства, что центрами ремесла становились города и слободы, где наряду с феодально-зависимыми жили свободные горожане-ремесленники, работавшие на рынок. С. И. Вайнштейн на основе привлечения широкого круга источников приходит к убедительно-обоснованному положению, что как в монгольских степях, так и в степях Восточной Европы создание «кочевнических» городов не было и не могло быть результатом внутреннего развития ремесла и торговли в кочевнической среде.

Он заключает, что у народов, находившихся в кочевом или полукочевом состоянии, не мог произойти до конца отрыв ремесла от скотоводства, а следовательно, и завершаться важнейший процесс общественного разделения труда — отделение ремесла от сельского хозяйства, и это, по мнению автора, было одной из основных причин, предопределивших господство в обществе кочевников патриархального уклада.

Естественно, что в таком большом и многоплановом труде можно найти отдельные недостатки и просчеты. Так, как уже отмечалось выше, автор недостаточно полно раскрыл некоторые стороны социальной структуры кочевых тувинцев. Его оговорка, что этим сюжетам будет посвящена специальная работа, едва ли может удовлетворить

читателя. В связи с этим хотелось бы посоветовать автору в дальнейшем более детально рассмотреть различные социальные слои кочевых тувишцев-скотоводов и их взаимодействие в структуре общества. Хотелось бы также чтобы раздел о развитии ремесла у кочевников был подкреплен более широким сравнительным материалом и четче было проведено разграничение между домашними промыслами и ремеслом. Наконец, книга, несомненно, выиграла бы, если в ней было больше иллюстраций, но едва ли можно отнести последний упрек к автору.

Фундаментальное исследование С. И. Вайнштейна не только заполняет существенную лауну в изучении этнографии тувишского народа, но и является новым этапом в разработке кардинальных проблем хозяйственно-культурной истории кочевничества, сыгравшего столь важную роль во всемирно-историческом процессе.

Жаль, что столь ценная и нужная книга вышла малым тиражом (1400 экземпляров), тогда как на нее есть большой, но неудовлетворенный спрос читателей. Думается, что уже сегодня правомерно поставить вопрос о втором, расширенном и дополненном, издании этой книги.

Г. Е. Марков

В. Ф. Горленко, И. Д. Бойко, О. С. Куницкий, Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971, 164 стр.

Длительное время народная земледельческая техника находилась на положении пасынка в исследованиях по этнографии. После второй мировой войны, однако, развертываются работы во многих странах и в этой области этнографической науки, а в 1953 г. в соответствии с решениями IV Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Вена, 1952 г.) был создан в Копенгагене Постоянный Международный комитет по исследованию истории пахотных орудий. В 1960-е годы началась координация работ этнографов европейских стран над этнографическим атласом Европы и сопредельных стран, серия карт которого посвящена народным земледельческим орудиям.

Все сказанное относится и к нашей стране. В 1950—60-е годы появляется целый ряд монографий, посвященных земледельческой технике отдельных народов СССР, а также первые выпуски историко-этнографического атласа «Русские». В начале 1960-х годов начинаются работы над региональными историко-этнографическими атласами Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии и других регионов СССР.

Сбор полевого, музейного, архивного и литературного материалов для атласа и позволил авторам рецензируемой книги подготовить ее. «Народна землеробська техніка українців» — первая, наиболее полная публикация по земледельческим орудиям украинцев. Нельзя сказать, что исследованием украинских земледельческих орудий совсем не занимались до появления этой книги. Краткие сведения о них содержались в этнографических работах досоветского периода (П. П. Чубинского, Ф. К. Волкова, Д. К. Зеленина и др.), а также в исторических и аграрно-экономических работах. В советское время многие годы посвящал этнографическому исследованию пахотных орудий украинцев ленинградский этнограф О. С. Бежкович, в середине 1960-х годов на кафедре этнографии МГУ им. Ломоносова в качестве дипломной работы была защищена выпускницей Е. Е. Овчаренко хорошая работа о пахотных орудиях украинцев. К сожалению, за исключением нескольких статей (В. С. Мамонова, М. П. Ковальского, Ф. М. Погушняка), большинство проводимых исследований так и не было опубликовано. Отсутствие публикаций об орудиях украинцев — народа старой земледельческой культуры — в известной степени мешало решению некоторых вопросов в этой области и по соседним народам. Поэтому появление этой работы следует приветствовать.

Книга состоит из введения и пяти глав. Во введении (автор В. Ф. Горленко) дается краткий обзор использованной литературы и излагаются задачи исследования.

В первой главе (автор И. Д. Бойко) дан очерк истории развития сельского хозяйства Украины в период феодализма. При этом рассматриваются также природные, исторические и социально-экономические условия, влияющие на развитие сельского хозяйства.

Глава вторая (автор В. Ф. Горленко) посвящена описанию орудий обработки земли и сева в период феодализма (различных типов рал и плуга, сох и ручных орудий, а также орудий бороньбы и прикатки).

В третьей главе (автор О. С. Куницкий) дано описание орудий уборки, обмола, веяния и размола.

Изменениям земледельческой техники украинцев в период капитализма посвящена четвертая глава (авторы § 1—2 И. Д. Бойко, §§ 3—5 В. Ф. Горленко). Авторы показывают, как социально-экономические преобразования вызывают изменения в сельском хозяйстве, в том числе совершенствование земледельческой техники и все более широкое использование фабричных орудий.

Книга заканчивается пятой главой (авторы И. Д. Бойко, В. Ф. Горленко) — кратким очерком о коренных изменениях, происшедших в сельском хозяйстве украинцев в период строительства социализма.